

Страницы истории моей жизни. Как это было...

Памяти нашей мамы, ветерана труда, педагога, матери-героини Шариповой Таскиры Шайшариповны посвящается. Записано с ее слов.

О войне написано так много! Сколько фильмов снято! Художники, поэты, публицисты посвящают этой вечной теме свои произведения. И каждый переживший войну человек может добавить в народную летопись свои страницы. Отец мой, свекор, дяди, земляки-односельчане, братья моих сверстников, близкие и незнакомые, кто вернулся с фронта и кто не стал героем. У представителей моего поколения слово «война» не нуждается в формулировках и уточнениях, это не понятие, которое вызывает ассоциации. Война для нас – часть жизни. Много среди моих знакомых людей, прошедших тот ад. И сколько лет прошло, прежде чем они начали рассказывать правду о тех страшных годах! Наверное, им было невыносимо вспоминать. А носить в себе память о фронтовых дорогах и потерях, думаю, было еще тяжелее. Абсолютно всех, кто пережил войну, можно назвать ранеными. Только одних война искалечила физически, других – душевно, третьих – обездолила...

За данными статистики страшное горе, боль, лишения... Хорошо, что есть люди, которые пишут правду о войне, снимают фильмы, где солдат предстает живым уязвимым человеком, а не только бесстрашным героем, готовым в любую минуту пожертвовать своей жизнью. Я не верю, что солдаты не боялись, а горели неистовой ненавистью к врагу и были бесстрашными. Человек не может не бояться за свою жизнь. Это же так естественно – хотеть жить... Я не люблю смотреть фильмы о войне. Тяжело. Плачу. Хотя я-то не «хлебнула лиха»: к началу войны мне только одиннадцать исполнилось, а жили мы далеко от мест, наиболее пострадавших от фашистских захватчиков.

Моя малая родина – деревня Чекмагушево Башкирской АССР (увы, статус населенных пунктов столько раз менялся, что я затрудняюсь теперь назвать точное определение тех лет, но деревня жива). В город Уфа (столица Башкирии – теперь Республика Башкортостан) мы пешком ходили, а вот

Москва гораздо дальше. В общем, линия фронта до нас не дошла и не могла прийти, как были уверены тогда взрослые. Ну, а коли старшие так говорят, мы, дети, и мысли такой не допускали. Вообще настроение было такое: войне скоро конец.

Да, мы были недостижимо далеко от линии фронта, но сказать, что нас война не коснулась, разумеется, невозможно. Помните песню «Ах, если б не было войны»? Как круги по воде – все шире и тише, но не бесследно. Не самого задело, так семью твою потрянуло, не убило близкого человека, так людей, с которыми ты по одной улице ходил, из одного колодца воду пил. Те, кто ушел и не вернулся, для тебя не безликие жертвы войны, а часть твоей жизни «до». Мы в деревне знали всех если не по именам (часто по прозвищам, видимо, так народ юмор проявлял), то по отличительным признакам – наверняка. На всю округу славились талантами гармонист, лучший косарь, печник, пастух. Эх, каких парней отняла у моей деревни проклятая война! Я была школьницей, но по обрывкам разговоров взрослых, по каким-то событиям и новостям понимала, что все спокойно только внешне.

Моя свояченица Екатерина Архиповна Каткова, уроженка Тетюшского района нынешней республики Татарстан, старше меня всего на 4 года и десять месяцев. В День Победы мы с ней часто вспоминаем о войне. Кате досталось! В шестнадцать лет она рыла окопы, валила лес. В прохуdivшемся пальтишке, подпоясанном бечевкой, в лаптях круглый год. Зимой, утопая в снегу. Это называлось «лесозаготовки». Руководил ими однорукий мужчина, вернувшийся с фронта. Еды толком не было. С утра до темноты в лесу, а на ночь возвращались в деревню, в дом к одинокой солдатке. Катя вспоминает и плачет. Руки она тогда обморозила, всю жизнь потом в холод она их согреть не могла. Довелось Екатерине Архиповне и с пленными немцами бок о бок поработать. Поначалу, рассказывает она, наши девчата боялись их, а те тихие, спокойные, вежливые. У барака, где ночевали, клумбу разбили. Со стройки нанесли обломки кирпичей и очень

аккуратно выложили бордюры. Одеты были как оборванцы, на лицах не было и намека на ненависть. Впечатление такое, что радовались: уцелели, строят вот. Катя говорит, что порой с девочками, думая о том, что будет, когда война кончится, мечтали о нарядах и туфельках. И никто не верил, что когда-нибудь в магазине будет возможно просто прийти и купить необходимое.

У Кати вызывает бесконечное изумление обилие хлеба на сегодняшних прилавках. Она рассматривает хлеб и восторженно ахает: «Какой белый!» И всегда вспоминает, какой хлеб ели в войну – со всевозможными «растительными добавками»! Черный, тяжелый... Но и такого было в обрез, поэтому и о нем мечтали. На столе бутылкой размельчали горсточку пшеницы и из этого раздробленного зерна варили кашу.

...Теперь-то в обществе понимают, что дети приходят на белый свет уже разными, а больше всего вносит различия в них среда обитания. У нас, детворы предвоенных лет, среда обитания была – коллективное хозяйство и ожидание, что завтра мы заживем еще лучше. Нет, не ожидание – уверенность. Хотя, я думаю, никто и не сомневался, что мы живем уже хорошо. Идеология!

В нашей деревне люди жили примерно одинаково, но были и зажиточные, и бедняки. Младшая сестра моего отца (это еще задолго до Отечественной войны) умерла от голода. Были нищие, которые побирались. Не свои, односельчане, а ходившие по деревням. Я помню, что мне не очень нравилось, когда мама заводила таких людей домой и досыта кормила, с собой давала им что-то. Досыта - уж не разносолами, конечно, а тем же, чем и сами питались. Что мне не по душе было? Эти люди вели себя заискивающе, много и не по делу говорили. Мама очень огорчалась. Однажды поздним вечером к нам постучался мужчина. Мне он показался стариком. Был лютой мороз, на улицу не выйти. Мама завела нищего, накормила, напоила. Не помню, то ли человек тот сам захотел остаться на ночь, то ли мама не сочла нужным, постеснялась оставить его – муж-то на

фронте, то есть она одна в доме. С незнакомым мужчиной?! Нельзя, неприлично. Да и не безопасно было. Ушел наш посетитель. А утром мама нашла закоченевший труп у завалинки. Хоть мама и не делилась со мной переживаниями, я почувствовала, как ей тяжело. Вроде бы, это был беженец.

Еще помню: дети умирали. И это не было чрезвычайным событием. Тогда ведь рожали не по плану,- много. Но выживали не все малыши. Большею частью в младенчестве и умирали. Вот такой происходил естественный отбор, потому что здоровье и условия жизни новорожденных не были заботой государства. Медицина? Бабкины молитвы и лекарственные травы. Бог дал, бог забрал...

Это в мирное время. А в военное?

Было: безоблачное небо, лад и порядок в семье, в доме, планы на лето и мечты... Война все перечеркнула. Стало невозможно загадывать: а что будет завтра? Настанет ли это завтра? Тогда ведь советские люди жили с мечтой о светлом будущем: сегодня трудно, а вот скоро настанет коммунизм. И верили! Жизнь-то налаживалась...

Мы, дети, о фашизме и не слышали. Взрослые, как уж заведено на селе, работали от зари до зари. А вообще можно сказать, что деревенская жизнь шла своим чередом. Только притихла и как-то съежилась. Все для фронта, все для победы - это был не просто лозунг, а принцип жизни. Только мы, дети, этого не чувствовали. Хочу сказать, материально жить стало труднее, но благодаря взрослым мы воспринимали изменения в жизни как должное. Отца дома нет – да, скучаем по нему, но мама говорит, что он скоро приедет. Значит, так и будет. Ну, а пока огород копать, картошку собирать, овец выгонять, дрова таскать – все, что раньше больше доставалось как необходимость помочь старшим, теперь – твоя обязанность. Тяжело? А мы не думали об этом и уж тем более – не жаловались. Война сделала детей старше и как-то уравнила всех...

Я не припомню ни одного случая, чтобы женщины сокрушались, жаловались. Дети всегда рядом: вертелись у стола, на печке отогревались.

Дома-то у всех были довольно маленькие, не было возможности сказать: “Иди в свою комнату, поиграй, а нам нужно поговорить”. Получалось, что обсуждали дела сдержанно, без надрыва и мрачных прогнозов. Вообще никто не рассуждал громко, бурно опасениями и страхами не делился. Не было принято болтать не по делу. Вообще не было привычки бездельничать, а уж обсуждать трудности... Трудности воспринимались как само собой разумеющееся. Нет, будет точнее сказать, что мы жили, не мучаясь вопросами «зачем?» и «почему?». Сужу по себе, но дети точно не предавались анализу!

Время ведь такое было! Стать врагом советской власти было проще простого. Вообще историю времен моего детства трудно понять логическим путем. Страшная она, несправедливая, неразумная эта история. Я помню, и у нас в деревне раскулачивали. Это задолго до Отечественной войны, но народ уже жил по принципу «обжегшись на молоке, на воду дуешь». По воспоминаниям односельчан, раскулачивали вовсе не тех, кто народ объедал. Таких-то, настоящих кулаков, было всего ничего, говорят. Находили кулаков! Попали в этот жернов и те, кто своим горбом нажил чуть больше, чем другие. Маминых родственников эта беда коснулась. Отца семьи вывезли за околицу, расстреляли и на его же собственной подводе отправили назад. Лошадь вернулась на подворье со своим страшным грузом. Хозяин испустил дух уже на родном дворе. А был дядя никакой не кулак, просто смекалистый, грамотный и находчивый, предприимчивый. Умел находить пути облегчения сельского труда, ну и труженик великий был. Уважали его односельчане, доверяли ему. Мог дельный совет дать, научить чему-то новому. Когда упоминалось имя дяди, кто-нибудь да добавит: «Образованный». В начале советской эпохи образованный человек в деревне редкостью был.

Вдова с горя умерла, сыновья - в бега, они же теперь дети врага советской власти! А младшенькая дочь у нас поселилась. Помню, она всегда напряженная, будто застывшая сидела у окна. Холодом от нее веяло. Так она

и не оправилась полностью от этого удара, мне кажется, всегда была настороже, людям не доверяла, сторонилась соседей... До самой своей смерти в преклонном возрасте. Братья ее тогда долго пропадали, боялись в родную деревню вернуться. Помню, маме моей письмецо с оказией передали. Тогда было принято стихи в письма вставлять. Мама плакала, читая. Пронзительно простые строчки о том, как тянет домой, как тяжело в чужом краю, были бы крылья – прилетели бы подобно птице, чтоб хоть вдохнуть родного воздуха... Мама говорила, что племянники ее парни серьезные, разумные, работающие. Я помню, в их доме было не так, как у всех деревенских. «Образованные», - с уважением добавляли люди, если упоминались эти мои родственники, даже когда я уже окончила школу и сама стала учителем.

Перед самой войной один из братьев все-таки осмелился вернуться. Он работал в нашем колхозе, полуторку водил. Заедет во двор, обедать к нам мама его зазывала, ребятишки облепят машину, а дядя только улыбается. Катал нас, как же. Это ведь тогда чудом было, на машине проехаться. Когда стали на фронт призывать, дядя этот мой тут же - в военкомат. Помню, мама плачет, когда провожали его, а он уверенно так заявляет: “Не плачь, тетушка, я до самого Берлина дойду и женюсь на самой красивой немке”. Шутил ли, предчувствовал ли? Только все получилось, как он сказал! Замечательная была жена у него - тетя Амалия. Приняли ее как родную у нас...

Всю войну он прошел, мой маленький дядя. Это мы так его называли, как принято у нас в Башкирии: большой дядя, маленький , родной...

Живой невредимый вернулся! А был он, к слову, крупного телосложения, вид имел внушительный!

Удивительно, я многое помню из тех, военных лет, но не помню, чтобы обсуждали сводки с фронта. Правда, в деревне как заведено? Когда взрослые говорят, детей не слышно и не видно. Выпроваживали нас. Да и то сказать, не было принято, чтобы дети встревали в разговор, капризничали,

клянчили. Конечно, я говорю о своем окружении, но совершенно точно: детям говорили один раз! Вообще хочется отметить, что слово взрослого для нас было законом. Чтобы возразить взрослому, старшему?!

В начале войны я была уже большой. 11 лет - в деревне возраст самостоятельный. Старшие поручали нам такие дела, что теперь я диву даюсь. Сегодняшние дети – несмышлениши вплоть до окончания школы. Конечно, время диктует свои законы. Без нас, детей, взрослые в то время просто не справились бы .

В школе было принято называть детей по фамилии. Учителей мы считали людьми особыми. И они держали марку! Отличались от деревенских жителей и внешне, и речью, и образом жизни. Одевались скромно, официально, опрятно и сдержанно. Мы своих учителей почитали и побаивались. Стыдно было бы перед ними, если что-то натворишь. Мнение учителя было для нас очень дорого. Наверное, на мой выбор профессии оказал влияние и собственный школьный опыт. Учились в деревянной, с печкой школе. Учились все по мере сил и способностей, но все понимали, что учиться надо. Нам самим надо. Теперь дети не относятся к учебе с уважением, хотя стали намного развитее своих предков, возможности имеют, какие раньше нам и не снились. Потеряла учеба свою привлекательность, нет теперь жажды познания у молодежи. У меня девять внуков, шесть правнуков, родственники в школе работают. Могу судить.

Современным детям трудно представить, какими игрушками и во что мы играли. Процветало самодеятельное творчество, а рукоделие не было формой проведения досуга. Много, если не почти все необходимое для быта приходилось делать самим. И одежду, и обувь мастерили. Теперь-то лапти чуть ли не умиление вызывают. А мы их носили, не оценивая. Удовольствия не помню, но удобство порой было сомнительное! Правда, легкие, в них не жарко. Летом. А в холодное время, в слякоть?! Рукоделие было жизненной необходимостью. И вся деревня знала имена мастериц, ну а остальные старались не отставать. Сшитые из лоскутов одеяла, сумки для

школы, перелицованные платья и брюки, домотканые полотенца, связанные из овечьей шерсти носки и варежки... Сами растили этих овец, сами шерсть состригали, чистили ее, пряли... Когда в деревне объявляли сбор посылок для фронтовиков, мы не отставали от взрослых – так же стремились связать лучше, побольше перчаток, носков, шарфов, сшить кисеты. Радовались, когда успевали сделать больше, чем планировали. Работа от души всегда доставляет истинное удовольствие, а здесь еще мечталось, а вдруг именно мой подарок попадет папе. Работали над вязанием так споро и азартно - не оторвать! У нас издавна гусей разводили. Выводить их на луга и приводить обратно домой было заботой детей. А гусыни ведь очень агрессивные, когда выводок свой ведут. В общем, на всю жизнь у меня шрам на ноге остался, не успела увернуться, отскочить. Деревенские дети задорные ведь, вроде как не робкого десятка, надо – так надо. Не показывать же окружающим, что гусыни боишься?! Еще было дело. ТERRORИЗировал наш конец улицы петух один задиристый. Сговорились мы с ребятами положить этому конец, то есть петуха ...съесть. Ночью из курятника утащить, и... В общем, уже доедая петушатину, я поняла, что непонятным образом попался нам в руки мой собственный петух! Наелись тогда мяса...

Интересный случай запал в душу: весной пропали у нас бараны и самая крупная овца. Время трудное, редко, но воровали в деревне. Мама очень переживала. Соседка посоветовала обратиться к гадалке. Мне почему-то было очень страшно, да и мама была напугана. Пошли. Гадалка успокоила: вся скотина жива, где-то за водой, домой дороги нет. Сразу так уверенно сказала: “Найдете, заберете”. И, правда, оказались они отрезаны от берега водой - ледоход был. Мы с мамой в ледяной воде дошли до того островка и сумели привести скотину во двор...

Мы росли в труде. Мы умели радоваться обновкам, ведь порой не было самого элементарного, не хватало многого. Теперь-то чего не жить: все условия в доме, магазины от товаров ломятся. А в войну мы просто жили, не задумываясь о трудностях и лишениях. Как мы берегли свои вещи! Мы

знали, какой ценой они достаются. Зато вещи не возводились в культ, ими пользовались.

В современном мире стариков часто упрекают в излишней бережливости. Крохоборы, скряги, жмоты... Только точно знаю: человек, переживший холод, голод и лишения, не может относиться к жизни иначе, чем рачительно, экономно, бережливо. Согласитесь, недальновидно и нелогично менять добротную одежду на обновку, которая ничуть не лучше по качеству. Нас ведь воспитывали как? Встречают по одежке, а провожают по уму. Было даже стыдно выделяться одеждой, украшениями. Мы негласно состязались в знаниях, начитанности, ловкости, силе. Например, кто быстрее донесет полные ведра воды, не расплескав по дороге. Кто быстрее наберет корзину ягод...

Старики особенно дорожат хлебом. Если на столе хлеб есть, значит, человек будет сыт. Мы даже макароны с хлебом едим. Без хлеба еда - не еда. Я помню, как не хватало именно хлеба. А он из печи, на хмелю - вкуснее нет ничего! Какие печенья, торты сравнятся с настоящим домашним хлебом?!

Конечно, как и все дети, мы и шалили и озорничали. Знаете, в чем состоит самое существенное отличие нас от современных детей? Мы росли в труде. Никто не занимался нашим трудовым воспитанием. Воспитывал пример родителей, близких и существовал неписанный кодекс морали. Однозначно: нельзя – можно, плохо – хорошо. Тогда ребенка приобщали к любому делу, как только он мог что-либо сделать сам. А уж о заботах по дому, об уходе за скотиной и говорить не приходится. Помню, прибегу после уроков из школы, перекушу, и на огород. Одна выкапывала картошку. Отец на фронте, брат еще мал, а маме одной трудно. Так хотелось порадовать маму! Помню, что мама вообще никогда не ругала нас с братом, не читала нотаций. Скажет один раз, не поймешь - объяснит, покажет, как нужно делать. Еще тогда в деревне было принято многое по хозяйству делать сообща, так сказать, всем миром. Мы с подружкой Магсумой тоже

объединялись: сначала у одной, потом у другой переделаем все по дому и в огороде, и время на улице побегать останется. У Магсумы отец на фронте, мама нездорова, трудно жили они, не доедали. Мама моя относилась к ним, как к родным. Поддерживала, как могла, и едой делилась. Только став взрослой, я оценила, какой неутомимой труженицей была мать. Благодаря ее стараниям мы избежали многих трудностей. Ну, и здоровьем бог наделил, конечно.

Вот еще о чем хочется сказать. Действительно, трудно было, а грязью не зарастали, одежда наша и сами мы были чистыми, волосы у девочек длинные - всегда заплетены. А ведь по воду ходили далеко, дрова заготавливали в дальнем лесу, белье полоскали на речке. И в мороз, и в жару. Мне кажется, тогда человек и жил только работой. От чего же устают современные люди? Ведь быт перестал быть непосильной обузой, нет проблемы, где достать хоть немного еды. Согласитесь, это счастье, что теперь люди сытые, имеют возможность отдыхать, путешествовать, культурно развиваться. А радость в глазах окружающих нечасто увидишь. Песен не поют, частушек не сочиняют, вязать не рвутся, прясть вообще теперь редко кто умеет. Нас, старушек просят прясть и вязать. А раньше эти умения работой-то не считались, любая маленькая девочка исподволь перенимала навыки рукоделия от старших женщин.

На фронт призвали всех мужчин. Остались в нашей немаленькой деревне стар да млад. А если парень - инвалид? Не забирали ведь только больных да калек. Много он наработает? Вот и досталось нашим матерям. И мы, мал мала меньше, были при деле.

Мама моя Маптуха, чтобы прокормить нас с братом, согласилась кашеварить для колхозников. Работы было много! Тогда ведь всю еду готовили в печи и на печке. Мама очень рано вставала, месила тесто, часто у нее руки были в муке. Я помню, что ее "рабочее место" сияло чистотой. Деревянный стол выскоблен добела. Никогда мама не жаловалась на

усталость. Мне казалось, что она и спать не ложится. Себе хлеба уже не пекли, только для работников.

Я прекрасно помню, чем мы питались. Держали скотину, птицу, выращивали картофель. Хлеба не было совсем, но молоко и каши из печи - объедение. Мама ставила в печь два горшка: один с мясом и крупой, другой - с картошкой. О сладостях мы не знали, можно сказать, и от их отсутствия не страдали. Наша деревня Чекмагушево в замечательном месте расположена. И речка, и лес. Хмель, ягоды, черемшу, разные травы собирали. Вообще люди тогда умели довольствоваться тем, что имели, то есть очень малым. Помню, сушили морковь, малину - заваривали и пили зимой, Вкусно! Собирали и вялили траву, в народе ее так и прозвали "чайная". Красивое растение, растет в низинах, заболоченных местах. А цвет какой! Попробовала я недавно приготовить тот чай. Все, как в детстве сделала, но народный чай почему-то не пришелся по вкусу моим домочадцам. Да и мне. А в детстве было очень вкусно...

Кстати, о моркови. Очень в народе ценили ее. Якобы целебный овощ. Свекровь моя (это уже гораздо позже, разумеется) Магинур говорила, что морковь поможет на ноги поставить человека после тяжелой болезни. Свекра моего Ахмадуллина Лутфуллу так свекровь и выходила. Он вернулся с фронта очень ослабевший после контузии и ранения. Вареная морковь стала основным блюдом в его питании. Оклемался, слава богу, еще много лет работал в колхозе. Тоже "не баловал" воспоминаниями о войне, а в старости ночами рвался в атаку...

Отца моего тяжело ранило. Пуля вошла в ухо и вышла через рот. В общем, отвоевался солдат Шайшариф Шарипов, решили нашедшие его санитары. Однако молоденький хирург в научных целях решился оперировать тяжелораненого. Когда отец пришел в себя, с изувеченным лицом, очень слабый от потери крови, в госпитале поразились. Никто и не надеялся, что этот боец выживет. Хирург приходил к отцу просить прощения, что не смог сохранить форму его лица. Главное было спасти

жизнь, а счет шел на минуты. Да хирург и не верил в успешный исход операции, он ее делал для практики.

Был отец наш красивым, статным мужчиной. Стал калекой. И решил не возвращаться домой. Боялся, что такого, изуродованного, его не ждут. Поехал по призыву в город Иваново, где добросовестно трудился несколько лет. Его возвращение было счастьем! Мы его не разлюбили из-за внешности. Только всю жизнь до самой смерти отец, начитанный, умный человек, избегал общества, сторонился людей, не любил застолий. Сколько себя помню, отец что-то делал, всегда был занят. Благодаря его непоседливости во дворе всегда был порядок, скотина не болела, мы были сыты, одеты и обуты. Отец очень мало говорил о фронтовом прошлом, знаю со слов матери. Запал в душу переданный матерью вот такой рассказ отца. Вообще отец не разговаривал с людьми, через маму «общался».

Отцу приказали доставить восемнадцать новобранцев- связистов к нашему отдаленному укреплению. Обстрел русских позиций фашисты вели беспрестанно. Отец повел, прежде тщательно проинструктировав вновь прибывших солдатиков. А оказались-то прибывшие солдатиками связистками. Восемнадцать молоденьких девчушек. Не посчастливилось пересидеть им в траншее, переживая очередной обстрел фашистов. К рассвету все девушки были мертвы. Отец плакал и хоронил, плакал и хоронил своих подопечных.

Когда я вспоминаю о войне, перед моим взором как будто проходят все те, кто остался на фронте. Отец моей любимой подруги, соседи... Светлая память! Ныне живущим на земле воспоминания очевидцев или современников Отечественной войны, вообще любой войны еще и еще раз напомнят о том, как дорог мир, только мир имеет будущее.

Пустобаева Лилия Хамбаловна,
Каткова Маулида Хамбаловна.